STUDIA UNIVERSITATIS MOLDAVIAE
Revista științifică a Universtității de Stat din Moldova, 2024, nr. 3(173)

CZU: 329.78:316.346.2 **https://doi.org/10.59295/sum3(173)2024_23**

«ИДЕНТИЧНОСТЬ» В ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Ксения ГОНЧАРОВА,

Молдавский государственный университет

Риторика современных общественно-политических движений часто формулирует свои требования и аргументы, обращаясь к слову «идентичность», несмотря на отсутствие однозначного определения этого термина. Данная статья направлена на анализ дополнительных смыслов, которые приобретает «идентичность» в дискурсивной практике современных общественно-политических движений, таких как феминизм, ЛГБТ-движение и экологический активизм, а также на рассмотрение роли «идентичности» в этих дискурсах. В качестве исследовательских материалов использованы классические работы, ключевые для каждого из перечисленных общественно-политических движений. В процессе исследования было выявлено, что в феминизме, ЛГБТ-движении и экологическом активизме слово «идентичность» является инструментом придания значимости тем аспектам, которые ранее считались второстепенными - будь-то женщина, гендер или биологические организмы. Поиск причин такого риторического выбора предполагает погружение в теорию психологизации современного общества (J. De Vos) и теорию психологической власти (M. Фуко).

Ключевые слова: *идентичность, общественно-политическое движение, феминизм, ЛГБТ-движение, экологический активизм, психологизация, психологическая власть.*

„IDENTITY” IN THE DISCURSIVE PRACTICE OF CONTEMPORARY SOCIO-POLITICAL MOVEMENTS

The rhetoric of contemporary socio-political movements often formulates its demands and arguments using the word „identity”, despite the lack of its clear definition. The article aims to analyze the additional meanings that „identity” acquires in the discursive practice of modern socio-political movements such as feminism, the LGBT movement, and environmental activism, as well as to examine the role of „identity” in these discourses. Research materials are classic works related to each socio-political movement. As the result the paper claimes that in feminism, the LGBT movement, and environmental activism, the word „identity” serves as a tool to attribute importance to aspects previously considered secondary - whether it be women, gender, or biological organisms. The search for the reasons behind such a rhetorical choice implies immersing into the theory of psychologisation of modern society (J. De Vos) and the theory of psychological power (M. Foucault).

Keywords**:** *identity, socio-political movement, feminism, LGBT movement, environmental activism, psychologisation, psychological power.*

Введение

Современные общественно-политические движения - феминизм, ЛГБТ-движение, экоактивизм, - выступая против превращения «индивидов в субъектов», как пишет об этом М. Фуко [1, с.165-168], в конечном счете сводятся к одному вопросу - «Кто мы такие?». В связи с этим не удивительно, что их риторика сегодня часто апеллирует к слову «идентичность», несмотря на отсутствие однозначности в его понимании. В силу того, что теория идентичности развивается параллельно практике использования данного слова, анализ риторики современных общественно-политических движений позволяет понять, какие дополнительные смыслы приобретает слово «идентичность» в языковой практике и какую роль оно играет в социокультурной коммуникации.

Метод и материалы

Алгоритм анализа, осуществленный в рамках данной статьи, включает в себя три этапа: 1) сбор фрагментов с апелляцией к слову «идентичность» в классических работах для современных общественно-политических движений; 2) их интерпретация с позиции выявления роли слова «идентич-

ность» в данных работах; 3) выявление причины обращения идеологов общественно-политических движений современности к «идентичности». Первый и второй этапы реализованы на основании контент-анализа текстовых материалов, ключевых для феминистского (E.C. Stanton, C. Mouffe, S. Federici, B. Friedan, etc.), гендерного (S.L. Gilman, T.W. Laqueur, V.L. Bullough, L. Gowing, etc.) и экологического (P. Shepard, D. McKinley, V. Shiva, V. Plumwood, etc.) дискурсов. Третий этап подразумевает обращение к концепции психологизации современного общества (J. De Vos, O.J. Madsenm D. Nehring, D. Kerrigan) и выявление структурного вектора продолжения данного исследования.

Результаты и дискуссии

«Identity» не фигурирует в ранних работах феминистической мысли: «В защиту прав женщины» (1792) М. Уолстонкрафт, «Декларация чувств» (1848) Э.К. Стэнтон, «О подчинении женщины» (1869) Дж.С. Милля, «Женщина хочет хлеба, а не права голоса» (1878) С. Энтони - во всех этих трудах женский вопрос обсуждается с привлечением другого терминологического и образного аппарата. Моментом же проникновения «идентичности» в феминистический дискурс становится работа «Woman’s Bible» (1898) Э.К. Стэнтон. Словосочетанием «woman’s identity» Стэнтон поднимает проблему затерянности женщины между мужчинами-мужьями: отсутствие возможности сохранить свое имя (имя отца) приводит к сокрытию идентичности женщины, вплоть до полной ее утери при многократных браках [2, p. 217]. Так, из проблематизации возможности сохранения и выражения женской самобытности и индивидуальности возникает представление об идентичности женщины.

Несмотря на то, что практически 100 лет спустя В. Соланс - в свойственной ей категоричной манере - помечает «проблему идентичности» как абстрактную дилемму мужчин, а не женщин [3, pp. 22-23], историческая практика демонстрирует ложность такого мнения. С 1898 г. «identity» все чаще появляется в манифестах феминисток и на страницах их исследовательских работ. Важность этой практики не стоит недооценивать, ведь она привела к тому, что значение слова трансформировалось. Внимание к значимым идейным сочинениям феминизма и вычленение в них фрагментов со словом «identity» позволяет заметить, что главной их целью является донесение ценностей и антиценностей движения.

Доминирующей антиценностью для феминизма являются формы угнетения и / или контроля [4, p. 370; 5, p. 44; 6, pp. 204-205], агентами которого выступают общество и - что наиболее часто - культура. К ним относятся: навязанные социальные функции и роли [7, p. 191; 8, pp. 32-33], поддерживающие их догматические гегемонистские исключающие структуры власти [9, p. 181], а также традиции [10, p.78], патриархат [11, p. 36], стабильное представление о полах и сексуальности [12, p. 3] и культура потребления [6, p. 73], носителями которых выступают не только мужчины, но и другие - предавшие самих женщин - женщины [13]. Свою борьбу с дегуманизацией и садизмом феминизм, обращаясь к призме «идентичности», разворачивает на двух основных «фронтах» - протест против личных негативных состояний и выступление против ряда идей. Так, причиной нехватки и зависимости женщины [7, p. 214], ее аномии и пассивного самоуничтожения [10, p. 169, 176], ее обезличенности [14, с. 94] предстает широкий пласт идей, фундирующих ложное представление о месте женщины: образы женщины как «благородного ничтожества» [10, p. 98] и западной современной женщины [15, p. 57], сопровождающая их мифологизация [8, p. 175] и неспособность подвергнуть эти представления критике [16, p. ix], которые вместе вписаны в общую тенденцию к бинарному пониманию пола и сексуальности [17] и педалированию аргументов биологического характера [10, p. 76; 18, p. 30; 19, p. 8].

Критика угнетающих ценностей сопровождается утверждением новых идеалов. Разнообразие личных стремлений условной феминистки детально описано в 1963 г. Б. Фридан, которая неоднократно упоминает о желании нового представления о себе [10, pp. 39-40], самостоятельности и независимости в жизненных выборах [10, p. 73, 110, 159], самореализации [10, p. 76], индивидуальности [10, p. 170], творчества и сексуальной радости [10, p.202]. Однако обостренное желание личного благополучия в феминизме постепенно отходит на задний план, уступая место политическим ценностям: авторитет [20, p. 133], власть и история [21, p. 83; 19, p. 5], представительство интересов [22, p. 72],

политическая общность и активность [15, p. 18; 23, p. 56; 5, p. 45], права, мир, уважение к человеку [23, p. 245; 9, p. 168] и язык [14, с. 124; 24, с. 209; 19, p. 151] - все они предстают желаемым благом не только для феминизма и женщин [4, p. 371, 382], но и для сексуальных меньшинств [25, p. 156].

В силу того, что gender studies во многом вытекли из размышлений о женщине, не удивительно, что авторы-идеологи и исследователи ЛГБТ-активизма продолжают - и даже обогащают - намеченную феминизмом тенденцию формулировать идеи через призму понятия «идентичность» (пр., S. L. Gilman, T. W. Laqueur, V. L. Bullough, L. Gowing, C. Clinton и др.).

Наиболее часто в работах о гендере и сексуальности «identity» встречается в словосочетании «gender identity», которое, на первый взгляд, воспринимается как синоним слова «gender». Такое суждение нивелирует смысл «идентичности» до ничего не значимого бонуса к основному значению «гендера», что, однако, не является верным. Несмотря на то, что единодушия в разрешении проблемы соотношении гендера и гендерной идентичности нет, мнение об их различимости все же однозначно: если гендер - это социально сконцентрированное представление о социально-поведенческих нормах пола, то в «гендерной идентичности» акцентировано само внутреннее ощущение и переживание гендера.

На сегодняшний день существует 4 подхода к пониманию соотношения гендерной идентичности и гендера [26, pp. 814-819]. Подход «Gender identity first» утверждает вторичность гендера по отношению к гендерной идентичности, а значит, их тождественность (пр., T. M. Bettcher, R. A. Briggs, S. Stryker), что, однако, ведет к исключению из числа обладателей гендера тех, кто неспособен осмыслить этот вопрос самостоятельно (например, умственно отсталые люди). Второй подход - «No connection view» - отказывается видеть зависимость между гендерной идентичностью и гендером: представление о себе не конвертируется в социальное восприятие себя другими (пр., S. Haslanger), следовательно, осмыслить феномен транс-перехода оказывается просто невозможным. «Contextualism» как третий подход к решению проблемы настаивает на том, что признаки, определяющие гендер, различны в разных контекстах, ровно как и логика соотношения гендера и гендерной идентичности (пр., Ásta, R. Dembroff). Внося больше неоднозначности в представление о гендерном мышлении, данный подход рискует признать исключающие практики угнетаемых гендеров оправданными. И, наконец, четвертый подход, «Pluralism», на фоне анализа проблем контекстуализма убеждается в том, что для определения гендера в различных контекстах имеют значение несколько признаков - либо гендерная идентичность, либо социальное представление о гендере, а значит, оба эти свойства могут сделать нас определенным гендером в любом контексте (пр., K. Jenkins, E. Barnes), что, однако, не дает правдоподобного объяснения взаимодействию множества этих факторов в процессе определения гендера.

Опущение конкретного содержания полемики между подходами позволяет понять значимость «идентичности» для gender studies: акцентируя внутреннее переживание гендера, «identity» заостряет соотношение субъективного и объективного, но остается неспособным разрешить его однозначно в пользу власти субъекта, хотя стремится в этом направлении.

Экоактивизм, как и все предыдущие движения, не обращается к «identity» на ранних этапах становления: упоминания «идентичности» нет в классических работах «Walden and other Writings» (1854) H. D. Thoreau, «Nature and Selected Essays» (1940) R. W. Emerson, «Exploring The Dangerous Trades» (1943) A. Hamilton, «The Population Bomb» (1968) P. Ehrlich. Изменение этой тенденции наблюдается в 1969 г. в сборнике статей «The Subversive Science», выпущенном под редакцией П. Шепарда и Д. Маккинли [27]. Там слово «identity» фигурирует в двух основных значениях: 1) идентичность биологических организмов, отличная от их формы и структуры [28, p. 120], а также 2) психологическая идентичность человека как инструмент выживания [29, p. 126] и признак взросления [30, p. 139]. Не став центральным концептом для экологического дискурса, слово «идентичность» все же не осталось на периферии экологической мысли, появляясь с того момента в ряде работ ученых-экоактивистов (пр., N. Georgescu-Roegen, B. Wendell, M. Bookchin, R. F. Nash, B. McKibben). Их анализ позволяет заметить, что намеченные в «The Subversive Science» смыслы «identity» остались доминирующими, обретя со временем большую конкретизацию значения.

Психологическая идентичность интересует представителей экодвижения как дополнительный аргумент в рассуждениях о новом отношении к миру. Поиск идентичности, как пишет P. Shepard [31, p. 139; 32, p .33, 127], является не только социальной, но и экологической проблемой, ведь ощущение человеком своего места в жизни тесно связано с его представлением о природе. Именно поэтому преодоление современной экологической катастрофы подразумевает изменение не только образа жизни, но и образа мысли. Вектор выстраивания новой идентичности homo ecologicus включает в себя такие ориентиры, как жизнь «в соответствии с велениями собственной природы» [33, p.91], оценка богатства отношений между человеком и миром [32, p. 12], полное участие в жизни природы [34, p. 6]. Ценностные же основания этой общей устремленности разнятся: A. Naess [35, p.209] пишет об альтруизме как «самоидентификации, ведущей к идентификации с другими», V. Shiva [36, p. 110] настаивает на уважении к разнообразию в противовес гомогенизации; наиболее же часто фигурируют размышления о родстве с природой и следовании традиции. Родственное чувство к миру возникает, когда человек осмеливается «взглянуть в глаза дикой природе и увидеть там свою сущность, свою семью» [37, p. 149]. Так он перестает отделять «себя от не-себя, живое от неживого, человеческое от нечеловеческого» [32, p. 125], становится готовым выстроить социальное и личное отношение к земле и взять на себя обязанности по ее уходу [38, p. 297]. Подобное отношение к природе конвертируется и в отношение к собственной традиции, ведь «разбитые семьи, разбитые страны, разбитые культуры, разрушающиеся экосистемы, нестабильная экономика, потерянная идентичность» - это результат именно разрушительного глобального человеческого взаимодействия с миром [39, p. 166; 40, p. 295].

Второй контекст обращения к «идентичности» в экологическом дискурсе тесно связан с первым, ведь шагом к изменению идентичности человека является его *способность увидеть идентичность в животных и растениях как важный* «моральный шаг за пределы объективизации» [34, p. 104]. Тот факт, что даже амеба «занята поддержанием себя», свидетельствует о присутствии в ней зародышевой формы самости и субъективности [41, pp. 380-381]. Виды и индивидуумы обладают собственным генетическим паттерном, который проявляется и на ценностном уровне: «защита определенной формы жизни, выбор пути в мире, сопротивление смерти (вымиранию), регенерация, поддерживающая нормативную идентичность в течение долгого времени, творческая устойчивость, открывающая навыки выживания» [42, pp. 146-147] - все это позволяет усмотреть в биологических организмах схожие с человеческими тенденции к самосохранению, самовыражению, самопрезентации.

Не являясь частотной темой для рассуждения в экологическом дискурсе, «идентичность» маркирует собой центральную по сути идею экологического движения: новое отношение к природе возможно лишь при усмотрении идентичности в том, что раннее ею не наделялось. Так, «identity» становится «мостом», соединяющим человеческие и нечеловеческие миры, посредством акцентуации факта переживания жизни в каждом из них.

Выводы

Проведенный экскурс позволяет заключить, что для современных общественно-политических движений слово «идентичность» является инструментом придания значимости тому, что раннее было маркировано незначительным - будь-то женщина (феминизм), внутреннее переживание гендера (ЛГБТ-движение) или населяющие землю биологические организмы (эко-активизм). Так вскрывается аксиологическое значение «identity» в общественной языковой практике, которая обращается к индивиду с позиции не столько отстраненного научного теоретизирования, сколько эмоционального политического воздействия. Что же способствовало тому, что современная риторика так часто обращается к «идентичности», вышедшей в массовое употребление из психологического дискурса?

Психологию вообще и психологическую риторику, в частности, сегодня нельзя рассматривать как просто один из вариантов восприятия мира, ведь современное общество подверглось «психологизации»: оно проявляет повышенный интерес к психологическим механизмам, что приводит к распространению психологических теорий и практик за пределы академической и клинической среды, в неспециализированные институциональные сферы [43; 44]. Эта экспансия психологии в социум

носит глобальное значение. На уровне социальной онтологии психологизация меняет логику взаимодействия между индивидами и структурами: социальные проблемы все чаще интерпретируются в связи с психологическими проблемами индивидов; общественные институты реорганизуются для внедрения новых форм терапевтического управления; оформляется «индустрия счастья», занимающаяся маркетингом товаров и услуг для психического здоровья; меняются представления о повседневном опыте и способах социального взаимодействия. На антропологическом уровне психологизация приводит к тому, что современный человек становится homo psychologicus, как определяет его J. De Vos: он суть индивид, априорно живущий в пропитанной психологическим знанием среде и воспринимающий психологию как центрального посредника во взаимодействии человека с самим собой, другими людьми и миром [45, pp. 2-3]. Так, реальность заменяется на мир взаимодействия с видами поведения, проведения коммуникационных обменов и даже столкновения с подсознанием, а сам человек становится раздвоенным, то есть занимает экспертную позицию для анализа собственного психологического двойника, не осознавая, что психологическое теоретизирование не тождественно реальности и превращение себя в психолога рискует обернутся утерей связи с собственной субъективностью.

Так теория психологизации позволяет сформулировать ответ на поставленный выше вопрос: общественно-политические движения современности предпочитают формулировать свои идейно-политические позиции в терминах «идентичности», потому что их цель - влияние на современного homo psychologicus с помощью наиболее близкой ему риторики, риторики с использованием психологической терминологии. Подобный тезис, однако, не кажется исчерпывающим, ведь в таком случае общественно-политические движения оказываются всего лишь прагматичными пользователями психологизации, не чувствующими на себе ее последствий. Но что, если сами феминизм, ЛГБТ-движение и экоактивизм являются невольными агентами и «жертвами» этого процесса? В таком случае использование «идентичности» маркирует погруженность общественно-политических движений современности в психологическую реальность и неосознанное оперирование психологическим мышлением. Так важнее становятся не прямые причинно-следственные связи, а ряд вопросов структуралистского толка, намечающих вектор дальнейшего исследования в обращении к концепции психологической власти М. Фуко: что такое психологическая истина? На какой образ мысли мы соглашаемся, обращаясь к психологическим понятиям? Какова реальность, подразумеваемая психологическим дискурсом?

Библиография:

1. ФУКО, М. *Интеллектуалы и власть*: Часть 3: Статьи и интервью 1970-1984 г. Москва: Праксис, 2006. 320 с. ISBN 5-901574-53-2.
2. STANTON, E. C. *Woman's Bible*. New York: European Publishing Company, 1898. Available: https://archive.org/details/WomansBibleElizabethCadyStanton/page/n8/mode/1up
3. SOLANS, V. *SCUM. Manifesto.* London: The Olympia Press, 1971, 96 p. ISBN 0-700-410-30-9.
4. MOUFFE, C. *Feminism, Citizenship, and Radical Democratic Politics*. In: F*eminists Theorize the Political.* New York: Routledge, 1992, pp. 369-384. ISBN 0-415-90273-8.
5. CUDD, A. E. *Analyzing Opression.* New York: Oxford University Press, 2006, 283 p. ISBN 978-0-19-518743-4.
6. ADAMS, C. J. *The Sexual Politics Of Meat.* 20th ed. New York, London: Continuum, 2010, 352 p. ISBN 978-1-4411-7328-7.
7. FEDERICI, S. *Caliban And The Witch*. 2nd ed. Brooklyn: Autonomedia, 2014. ISBN 1-57027-059-7. Available: https://archive.org/details/CalibanAndTheWitchWomenTheBodyAndPrimitiveAccumulation/page/n191/mode/2up?q=identity
8. DWORKIN, A. *Woman Hating*. New York: A Plume Book, 1991, 224 p. ISBN 978-0452268272.
9. BRAIDOTTI, R. *Writing as a Nomadic Subject*. In: *Comparative Critical Studies*, 2014, nr. 11.2-3, pp.163-184. DOI 10.3366/ccs.2014.0122.
10. FRIEDAN, B. *The Feminine Mistique*. New York, London: W. W. Norton and Company, 2013, 487 p. ISBN 978-0-393-34678-7.

11. DALY, M. *Beyond God The Father: Toward A Philosophy Of Women's Liberation.* Boston: Beacon Press, 1985, 225 p. ISBN 978-0-8070-1503-2.
12. JAGOSE, A. *Queer Theory*. New York: New York University Press, 1996, 153 p. ISBN 0-8147-4233-5.
13. SOMMERS, C. H. *Who Stole Feminism? How Women Betrayed Women.* New York: Simon & Schuster, 1994, 322 p. ISBN 0671-79424-8.
14. ИРИГАРЕЙ, Л. *Этика полового различия.* Москва: Художественный журнал, 2004, 184 с. ISBN 5-901116-12-7.
15. HARAWAY, D. J. A *Cyborg Manifesto.* University of Minnesota Press, 2016. Available: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/undergraduate/modules/fictionnownarrativemediaandtheoryinthe21stcentury/manifestly_haraway_----_a_cyborg_manifesto_science_technology_and_socialist-feminism_in_the_....pdf
16. GILLIGAN, C. *In A Different Voice*. 3rd ed. Cambridge, London: Harvard University Press, 2003, 217 p. ISBN 0-674-44544-9.
17. KOSOFSKY SEDGWICK, E. *Epistemology Of The Closet*. Los Angeles: University of California Press Berkeley, 1990, 262 p. ISBN 578-0-520-07874-1.
18. MILLETT, K. *Sexual Politics.* Urbana, Chicago: University of Illinois Press. 1990, 397 p. ISBN 0-252-06889-0.
19. PAGLIA, C. *Free Women, Free Men: Sex, Gender, Feminism.* New York: Pantheon Books, 2017, 315 p. ISBN 9780375424779.
20. FRYE, M. *The Politics of Reality: Essays in Feminist Theory*. Trumansburg, New York: Crossing Press, 1983, 195 p. ISBN 9780895941008.
21. WOLF, N. *The Beauty Myth.* New York: Harper Collins Publishers, 2002, 368 p. ISBN 9780060512187.
22. SPIVAK, G. C. *Can The Subaltern Speak?* In: P. WILLIAMS, L. CRISMAN, eds. Colonial Discourse And Post-Colonial Theory. New York: Colombia University Press, 1994, pp.66-111. ISBN 9780231100212.
23. RUDDICK, S. *Maternal Thinking: Toward A Politics Of Peace.* New York: Ballantine, 1990, 291 p. ISBN 0-345-36611-5.
24. КРИСТЕВА, Ю. *Силы ужаса: Эссе об отвращении.* Харьков, Санкт-Петербург: Алетейя, 2003, 256 с. ISBN 5-89329-620-6.
25. RUBIN, G. S. *Thinking Sex: Notes For A Radical Theory Of The Politics Of Sexuality.* In: R. PARKER, P. AGGLETON, eds. Culture, Society And Sexuality. London: Routledge, 2006, pp.143-178. ISBN 9780203966105.
26. COSKER-ROWLAND, R. *Recent Work On Gender Identity And Gender.* In: *Analysis*, 2023, vol. 83, is.4, pp. 801-820. DOI 10.1093/analys/anad069.
27. SHEPARD, P., MCKINLEY, D., eds. *The Subversive Science*. Boston: Boston Houghton Mifflin Company, 1969, 453 p. ISBN 978-0395053997.
28. PORTMANN, A. *The Seeing Eye.* In: SHEPARD P., MCKINLEY D., eds. *The Subversive Science.* Boston: Boston Houghton Mifflin Company, 1969, pp.115-121. ISBN 978-0395053997.
29. COBB, E. *The Ecology Of Imagination In Childhood*. In: SHEPARD P., MCKINLEY D., eds. *The Subversive Science.* Boston: Boston Houghton Mifflin Company, 1969, pp. 122-132. ISBN 978-0395053997.
30. WATTS, A. W. *The Individual as Man/World*. In: SHEPARD P., MCKINLEY D., eds. *The Subversive Science.* Boston: Boston Houghton Mifflin Company, 1969, pp. 139-148. ISBN 978-0395053997.
31. SHEPARD, P. *Ecology and Man - A Viewpoint*. In: G. SESSIONS, ed. *Deep Ecology For The Twenty-First Century*. Boston, London: Shambhala, 1994, pp. 131-140. ISBN 1570620490.
32. SHEPARD, P. *Nature And Madness*. Athens, London: The University of Georgia Press, 1998, 202 p. ISBN 0-8203-1980-5.
33. BERMAN, M. *The Reenchantment Of The World*. Ithaca: Cornell University Press, 1981, 355 p. ISBN 0801492254.
34. MILLS, S. *Whatever Happened To Ecology?* San Francisco: Sierra Club Books, 1989, 272 p. ISBN 0-87156-658-3.
35. NAESS, A. *The Deep Ecological Ecological Movement: Some Philosophical Aspects.* In: M. E. ZIMMERMAN, eds. *Environmental philosophy: from animal rights to radical ecology*. New Jersey: Prentice Hall, 1993, pp. 193-212. ISBN 0-13-666959-X.

36. SHIVA, V. *Biopiracy: The Plunder Of Nature And Knowledge.* Boston: South End Press, 1997, 148 p. ISBN 9780896085565.
37. SNYDER, G. *Four Changes.* In: G. SESSIONS, ed. *Deep Ecology For The Twenty-First Century*. Boston, London: Shambhala, 1994, pp. 141-150. ISBN 1570620490.
38. PLUMWOOD, V. *Nature, Self, And Gender: Feminism, Environmental Philosophy, And The Critiaue Of Rationalism*. In: M. E. ZIMMERMAN, eds. *Environmental philosophy: from animal rights to radical ecology.* New Jersey: Prentice Hall, 1993, pp. 284-309. ISBN 0-13-666959-X.
39. BATESON, N. *Small Arcs Of Larger Circles Framing Through Other Patterns*. 2nd ed. Axminster, Devon, UK: Triarchy Press, 2017, 210 p. ISBN 978-1-909470-96-5.
40. KLEIN, N. *This Changes Everything: Capitalism VS. The Climate.* New York: Simon & Schuster, 2014, 505 p. ISBN 978-0-307-40199-1.
41. BIEHL, J. *Sialectics in the Ethics of Social Ecology.* In: M. E. ZIMMERMAN, eds. *Environmental philosophy: from animal rights to radical ecology*. New Jersey: Prentice Hall, 1993, pp. 374-389. ISBN 0-13-666959-X.
42. ROLSTON, A. *Challenges in Environmental Ethics*. In: M. E. ZIMMERMAN, eds. *Environmental philosophy: from animal rights to radical ecology.* New Jersey: Prentice Hall, 1993, pp. 135-158. ISBN 0-13-666959-X.
43. NEHRING, D., KERRIGAN, D. *Thin Selves: Popular Psychology And The Transnational Moral Grammar Of Self-Identity*. In: *Consumption Markets & Culture,* 2018, pp. 1-23. DOI 10.1080/10253866.2018.1516814. Available: https://www.dylankerrigan.com/uploads/2/4/3/4/24349665/thin_selves_popular_psychology_and_the_transnational_moral_grammar_of_self_identity.pdf
44. MADSEN, O. J. *Psychologisation And Critique In Modern-Day Western Culture*. In: *Social And Personality Psychology Compass*, 2014, vol. 8, is. 5, pp.193-200. DOI 10.1111/spc3.12103.
45. DE VOS, J. *From Panopticon To Pan-Psychologisation, Or, Why Do So Many Women Study Psychology?* In: *International Journal Of Zizek Studies,* 2008, vol. 2, is. 1. Available: https://www.academia.edu/4131974/From_Panopticon_to_Pan_psychologisation_or_Why_do_so_many_women_study_psychology/

Данные автора:
Ксения ГОНЧАРОВА, докторант, Молдавский государственный университет.
ORCID: 0000-0002-0144-0265
E-mail: goncharova.xenia@gmail.com

Представлено 01.04.2024